

Александр В. Голубев

Образ Польши в советской карикатуре в 1922–1939 гг. : по материалам журнала „Крокодил”

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 2, 197-205

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

POLSKA – ROSJA: SZTUKA I HISTORIA
ПОЛЬША – РОССИЯ: ИСКУССТВО И ИСТОРИЯ
ТОМ II

Александр В. Голубев

Институт российской истории Российской Академии Наук

Образ Польши в советской карикатуре в 1922–1939 гг.
(по материалам журнала „Крокодил”)

Политическая карикатура несомненно может рассматриваться в контексте изучения истории культуры как специфическая разновидность графики. В этом случае речь идет об истории этого жанра, различных направлениях в карикатуре, особенностях творческой манеры отдельных художников, средствах художественного воздействия на зрителя, и так далее.

С точки зрения историка изучение советской политической карикатуры, особенно на протяжении относительно долгого периода, скажем, двух десятилетий, позволяет проследить все зигзаги, повороты, нюансы официальной пропаганды. При этом карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ.

Но есть еще один пласт исторической реальности, раскрыть который также можно через анализ политической карикатуры. Речь идет о тех образах внешнего мира, которые формируются в массовом сознании.

В СССР в рассматриваемый период вся информация о мире, доступная большинству населения, проходила через два своеобразных „фильтра” – во-первых, она отбиралась, исходя из

политических соображений, проходила жесткую цензуру. Но был и второй „фильтр”, а именно, недостаточная грамотность населения, незнание многих реалий зарубежной жизни, неумение, в конце концов, воспринимать достаточно обширный текстовый материал. И вот здесь-то на первый план выступали визуальные образы, прежде всего карикатуры.

Более того, если фотографии количественно несомненно преобладали в визуальном ряду, связанном с внешним миром, можно предположить, что карикатуры были более важны с качественной точки зрения. Обычная фотография (за исключением художественной) представляет собой всего лишь материал для формирования образа. Карикатура же как правило – это уже готовый образ, который легко усваивается и не требует почти никаких усилий для восприятия. Как утверждают психологи, рисунок, тем более карикатура, по сравнению с фотографией быстрее замечается читателями, дольше хранится в памяти (правда, фотографии обычно вызывают больше доверия).

Помимо карикатур и немногочисленных, зачастую некачественных фотографий в газетах и журналах, источником визуальных представ-

лений об иной реальности могла служить кино-хроника, которую более или менее регулярно смотрело лишь меньшинство населения, преимущественно в крупных городах.

Сейчас даже трудно представить, какое место занимала карикатура в советской повседневности 20–30-х годов. Известны случаи, когда зрители у стендов с новыми карикатурами перекрывали движение в центре Москвы.¹ И в газетах многие читатели прежде всего искали и с удовольствием рассматривали именно карикатуры.

Неудивительно, что любые официальные сообщения, газетные статьи или радиопередачи о современной жизни за рубежом очень часто вызывали зрительные ассоциации именно с карикатурами, которые публиковались в прессе и, что немаловажно, с точки зрения содержания практически повторяли основные темы и сюжеты советской пропаганды.

Необходимо отметить, что термин „политическая карикатура” в СССР межвоенного периода применялся как правило к карикатурам на международные темы. Политическая карикатура, оставляя в стороне многие нюансы, формировала упрощенную картину реальности, опираясь при этом, однако, на уже существующие установки, представления, стереотипы.

Вышедшая в 1930 г. брошюра так определяла задачи советской политической карикатуры: „советская политическая карикатура может к этому присоединить и то, что является отличительным для характеристики рабочей карикатуры, это – обличительный жар, который вскрывает и разит капиталистический мир... Комическое в этой сатире не служит развлечением для читателя нашей прессы, а служит разоблачением, где едким смехом уничтожается притязание врага и открывается путь к постижению истинного смысла политического события”.²

В результате образ внешнего мира, в первую очередь Запада, для значительной части советского общества приобретал явно выраженные карикатурные, гротескные черты. Конечно, это в полной мере осознавалось и использовалось теми, кто занимался формированием у советских людей соответствующей картины мира. Более того, гротеск рассматривался как наиболее адекватное отражение внешнего мира. Как

говорил нарком просвещения А. В. Луначарский, карикатура – это „большая правда, чем лучшая фотография”. Он пояснял это так: „искусственным положением, неправдоподобным положением карикатура выясняет внутреннюю правду ярче и острее, чем какой бы то ни было другой прием”.³

Для советской политической карикатуры было характерно обилие деталей и многочисленных подписей различного уровня – эпиграфа (часто в виде цитаты), определяющего конкретный повод для появления данной карикатуры; названия карикатуры; подписи под рисунком, чаще всего в виде прямой речи действующих лиц; поясняющие надписи на тех или иных элементах рисунка. Не случайно читатели того времени часто в своих письмах подчеркивали, что „любят читать карикатуры”.⁴

Впрочем, у более опытных и искушенных карикатуристов такие приемы вызывали резкое осуждение. Как замечает в своих заметках о карикатуре Д. С. Моор, „самый плохой и беспомощный стиль карикатуры – это фельетонный, в самом простом смысле этого слова, когда на поверхности с минимумом изображений пишется максимум слов”.⁵

Характерной особенностью политической карикатуры являлась повторяемость и узнаваемость нескольких „масок” – империалист (цилиндр, монокль, мешок с деньгами), как правило, лишенный национальных примет, но иногда – с явным намеком на английское происхождение; военные (чаще других в форме Франции, Японии, Польши); социал-демократ; полицейский.

В подобной роли выступали и наиболее одиозные для советской пропаганды политические деятели. Вскоре искушенный читатель уже безо всяких подписей узнавал тех или иных персонажей, ориентируясь на привычные детали – подбородок Муссолини, монокль Остина Чемберлена, конфедератка и усы Пилсудского, пилотка с кисточкой и характерный профиль Франко.

В 1924 г. появилась карикатура Б. Ефимова *Сумасшедший дом „Европа”*.⁶ Среди персонажей карикатуры был изображен Пилсудский в роли Наполеона с диагнозом „мания величия”. Инте-

¹ Абрамский (1977: 6).

² Варшавский (1930: 8).

³ Дмитриев (1998: 68–69).

⁴ Ефимов (1935: 5).

⁵ РГАЛИ (1988: л. 38).

⁶ Ефимов (1924: 1).

ресно, что эта же карикатура, практически без изменений, была опубликована в „Известиях” в феврале 1929 г. и тут же была перепечатана в ряде зарубежных изданий (илл.1).⁷

Очевидно, подобные карикатуры являлись уже не явлением искусства, пусть даже искусства карикатуры, а, скорее, пособием к лекции о международном положении. Читатель, внимательно рассмотревший рисунок, получал в прямом смысле слова наглядное представление о расстановке сил в Европе, внешней политике и внутривосточной ситуации в отдельных странах, крупнейших политических деятелях, короче говоря – о политической ситуации в Европе в целом, конечно, с точки зрения советской пропаганды.

Внимание советской сатиры к международной тематике то заметно увеличивалось, то снижалось. Это было связано со множеством причин, в первую очередь, конечно, с ситуацией внутри страны и с той оценкой международной обстановки, которая давалась политическим руководством.

Политическая карикатура публиковалась в газетах, журналах, в том числе специальных (сатирических или юмористических). Расцвет ее приходится на 20-е годы, когда работали наиболее интересные советские карикатуристы, сложившиеся как мастера еще до революции (в основном вокруг журнала „Новый Сатирик” – Дени, Моор, Черемных и др.), выходило множество сатирических журналов как в столице, так и в провинции, вплоть до уездных городов. Большинство из них, однако, существовали лишь несколько месяцев. Политические карикатуры регулярно печатались в „Правде”, „Известиях”, „Труде” (в последнем случае, однако, в основном с 1939 г.), выходили в виде альбомов видных карикатуристов. Но, конечно, наиболее стабильным, популярным и многотиражным среди советских сатирических журналов был „Крокодил”, который издавался в Москве с 1922 по 2000 год с периодичностью в среднем 3 раза в месяц. Весьма значительным был и тираж издания – 150 тыс. экз. в 1923 г., 500 тыс. в 1933 г., 275 тыс. в 1939 г. Именно материалы „Крокодила” положены в основу данного очерка.

Илл. 1. Б. Ефимов, *Сумасшедший дом „Европа“*

Среди стран, которые в большей степени привлекали внимание советских карикатуристов, первое место, безусловно, принадлежало Германии. Свыше 30% карикатур так или иначе затрагивают связанные с ней сюжеты. Великобритания занимает почетное второе место, на третьем месте Франция, затем Япония, США, и, наконец, Польша – примерно 130 карикатур или около 9%.

Образ Польши в советской сатире, карикатуре прежде всего, в последние годы неоднократно становился предметом исследований.⁸ Однако нет пока работ, которые показывали бы эволюцию этого образа на протяжении всего межвоенного периода, с 1922 по 1939 г., а также его составляющие.

Какие же образы Польши формировались в сознании советского читателя? В 20-е годы, безусловно, преобладает образ польского пана, агрессивного и спесивого, возникший, впрочем, еще в XIX веке, прежде всего в русской литературе, но с начала XX века появившийся и в русской карикатуре (илл. 2).⁹

⁷ Ефимов (1961: 69b). В своих воспоминаниях, в частности, Б. Ефимов воспроизводит в качестве иллюстрации вариант, появившийся в английской газете.

⁸ См.: Lazari, Riabow (2008: 275–316); Голубев (2007: 216–232); Lazari, Rongińska (2006).

⁹ Lazari, Riabow (2008: 58, 68, 88).

Илл. 2. В. Дени, *Аппетит ясновельможного пана*

Илл. 3. Б. Ефимов, *Пилсудский точит зубы на СССР*

Что касается внутренней ситуации в Польше, она исчерпывалась в основном двумя темами – нищетой польского населения и репрессиями, направленными как на население восточных областей Польши, так и на всех польских трудящихся (коммунистов в том числе). Но объем статьи не позволяет подробно коснуться этой проблематики. Остановимся на внешнеполитических аспектах темы.

В 20-е годы главным сюжетом карикатур, относящихся к Польше, была польская угроза СССР. В этой связи постоянно появлялся маршал Пилсудский, которого карикатуристы "Крокодила" дважды, в 1927 и 1929 г., включили в список виновников будущей войны (илл. 3).

В конце 1927 г. появилось произведение Ю. Ганфа *Парад-алле*, где на арене играли мускулами чемпионы – причем не чемпионы мира, как подчеркивала подпись, а чемпионы войны. Польшу представлял маршал Й. Пилсудский (характерно, что Германия в этом первенстве участия не принимала).¹⁰ Прошло два года, и в журнале появилась подборка шаржей, объединенная безапелляционным названием *Виновники будущей войны*, где Пилсудский сохранил свое место.¹¹ Кстати, в этой серии шаржей рядом с Пилсудским впервые появился на страницах „Крокодила” Адольф Гитлер.

Международные отношения Польши, например, с Францией, Румынией, Эстонией, Финляндией также оценивались с точки зрения ее антисоветской политики. Так, на рисунке Дени союз Польши и Финляндии изображался как счастливый брак, который благословлял Мильеран (илл. 4).¹²

В 1931 г. вышла карикатура Ефимова с изображением Румынии, нарисованной в виде лошади, на которой гордо восседал польский союзник (карикатура была посвящена польско-румынскому союзному договору).¹³ В сторо-

¹⁰ Крокодил (1927: 1).

¹¹ Крокодил (1929, nr 28: 4–5).

¹² Мильеран Александр (1859–1943) – президент Франции в 1920–1924 гг. Дени (1923: 11).

¹³ Польско-румынский договор о союзе был подписан 3 марта 1921 г. в Бухаресте и предусматривал взаимную военную поддержку сторон в случае войны с Советской Россией; координацию их политики; заключение военной конвенции; наконец, обязательство не вести переговоров о сепаратном мире в случае войны с Советской Россией. Был установлен пятилетний срок действия этого договора. В 1926, 1931 и 1936 гг. договор пролонгировался на оче-

не в качестве укротителя стоял маршал Фош.¹⁴ Через несколько лет художник повторил сюжет на рисунке, посвященном итало-германскому союзу – теперь уже Гитлер важно восседал на коне, напоминавшем Муссолини.¹⁵

На многофигурной композиции К. Ротова, опубликованной в 1929 г., Европа представляла как общежитие, скорее, впрочем, напомилавшее советскую, а отнюдь не европейскую, „коммуналку”. Вокруг двери с надписью СССР столпились „добрые соседи” и именно Франция советовала поляку: „Вот нож, ткни его, когда отвернется”.¹⁶

А на рисунке Ю. Ганфа *Крестовый поход. Капиталисты мира против большевиков* представители восточноевропейских стран, прежде всего Польши, отправлялись в поход против СССР.¹⁷

Нередко, впрочем, роль Польши оказывалась не слишком завидной. Так, на рисунке Ефимова 1930 г. польский военный продавал мировому империализму польского солдата – „польское пушечное мясо”.¹⁸

После прихода к власти Гитлера ситуация меняется. Ведущей становится тема немецкой агрессии, и Польше в этой ситуации отводится роль младшего партнера Германии. На карикатуре 1937 г., повторяющей сюжеты пьесы Горького *На дне* Европа изображена в виде ночлежки: среди персонажей – уголовник-гестаповец, который заставляет свою ученицу, Польшу, залезать в чужие дома через форточку.¹⁹ Если на карикатурах 1925 г. Германия выступала в качестве приживалки в „польском коридоре”, то на рисунке 1937 г. лакеем в Данцигском коридоре оказывался уже поляк, зато в комнатах уютно устроились хозяева-нацисты.²⁰ А польский министр иностранных дел Ю. Бек, изображенный в виде собачонки, униженно ждал подачек с немецкого стола (илл. 5). Иногда обыгрывалась фамилия Бека („бек” по принятой тогда терминологии – футбольный защитник); так появилась

редные пять лет. Появление карикатуры, очевидно, было связано с подготовкой очередной пролонгации договора.

¹⁴ Фош Фердинанд (1851–1929) – французский военный деятель, маршал. Ефимов (1931: 66).

¹⁵ Ефимов (1938: 15).

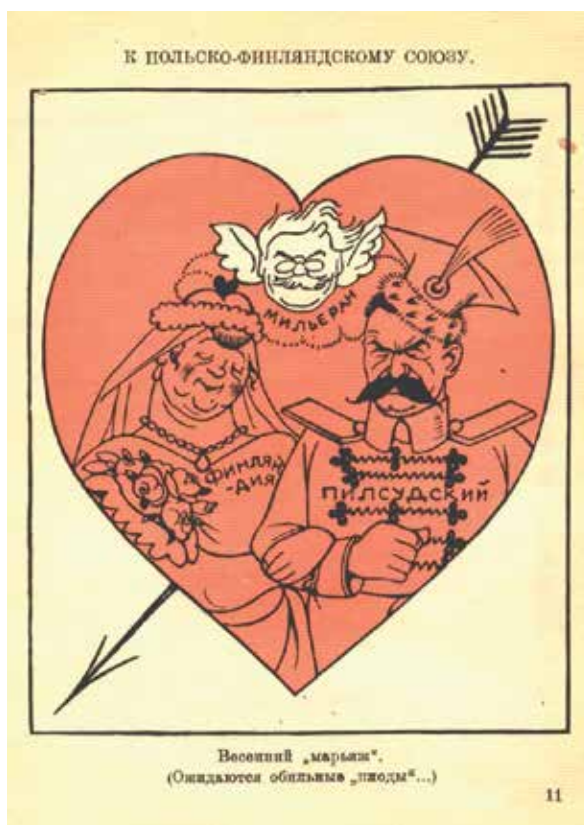
¹⁶ Крокодил (1929, пг 28: 8). Ротов Константин Петрович (1902–1959) – советский карикатурист, много лет сотрудничал в „Крокодиле”.

¹⁷ Крокодил (1925: 8–9). Ганф Юлий Абрамович (1898–1973), график, народный художник РСФСР (1964).

¹⁸ Ефимов (1931: 42).

¹⁹ Крокодил (1937, пг 29–30: 10–11).

²⁰ Крокодил (1937, пг 1: 7).

Илл. 4. В. Дени, *К польско-финляндскому союзу. Весенний марьяж*

Илл. 5. Б. Ефимов, *У барского стола*

Илл. 6. Б. Ефимов, Берлинский тренер варшавского Бека

Илл. 7. В. Дени, Польша – пес Антанты

карикатура *Немецкий тренер варшавского Бека* (илл. 6).²¹

Обычным для советской политической карикатуры был прием, когда разные страны или политические деятели изображались в виде животных. Применялся этот прием и в отношении Польши. Так, широко известна карикатура Дени²² *Польша – пес Антанты* (1920), на основе которой был издан массовым тиражом плакат (илл. 7). Другой его рисунок, также послуживший эскизом для плаката, изображал Польшу в виде свиньи, которую держала на руках Франция (илл. 8).²³ Однажды Польша появилась в виде мартовского кота; впрочем, точный смысл этой карикатуры, на которой был изображен тощий кот в конфедератке, названной *Весеннее возбуждение*, понять сложно. Возможно, это был намек на очередные антисоветские заявления кого-либо из польских политиков.²⁴

Нередко Польша изображалась в виде птицы. На рисунках Ефимова польский голубок страстно целовался с эстонским (оба при этом размахивали саблями с надписью „против СССР”), польская кукушка хвалила японского петуха, польский орел накрывал крылом белую эмиграцию.²⁵

Иногда и польские политики изображались в виде животных или птиц. На одной из карикатур Пилсудский – с характерными усами, в конфедератке, в огромных сапогах, с саблей и пистолетом, изображал из себя голубя мира (илл. 9). На другой он же появился в образе доброго аиста, приносящего Польше нового президента, И. Мосьцицкого (илл. 10).²⁶ Порой политики изображались в виде маленьких птичек, что, очевидно, должно было продемонстрировать их историческую незначительность – на страницах „Крокодила” такой „чести” удостоился, среди прочих, С. Войцеховский.²⁷

Впрочем, Польша не была исключением. По страницам „Крокодила” и других изданий гулял

²¹ Ефимов (1938: 58–61).

²² Дени (Денисов) Виктор Николаевич (1893–1946) – график, заслуженный деятель искусств России (1932).

²³ Дени (1923: 16, 20).

²⁴ Ефимов (1924: 19).

²⁵ Ефимов (1931: 78, 82); Ефимов (1932: 99).

²⁶ Мосьцицкий Игнацы (1867–1946) – президент Польши в 1926–1939 гг. В 1939 г. эмигрировал и передал полномочия В. Сикорскому. Ефимов (1931: 15, 39).

²⁷ Крокодил (1929, пг 20: 6–7). Войцеховский Станислав (1896–1953) – президент Польши в 1922–1926 гг.

Илл. 8. В. Дени, Панская Польша

целый зоопарк – животные символизировали страны, видных политиков, абстрактные явления (например, фашизм или агрессию...). Вообще это весьма распространенный прием не только в советской, но и в мировой карикатуре. Существует даже своеобразная классификация, образы каких животных считаются наиболее оскорбительными (например, ослы и змеи). Вообще говоря советская политическая карикатура, в соответствии с требованиями классовой борьбы, отличалась жесткостью, порой переходящей в откровенную грубость в отношении политиков и государственных деятелей, политических режимов, а порой и стран в целом. Однако как правило она избегала негативного изображения того или иного народа, использования негативных этнических стереотипов.

Одновременно, впрочем, и карикатура, нацеленная против СССР, в том числе польская, нередко носила откровенно оскорбительный характер. В частности привычной фигурой был зверообразный „большевик” или просто „русский”.

По мере нарастания международного кризиса 1938–1939 гг. политических карикатур в „Крокодиле” становилось все меньше, в частности, Польше за первые 8 месяцев 1939 г. не было посвящено ни одной. Только после начала мировой войны, а точнее после вступления советских войск в Западную Украину и Белорус-

Илл. 9. Б. Ефимов, Польский голубок мира

Илл. 10. Б. Ефимов, Добрый аист Пилсудский

сию, появилось множество карикатур, связанных с этими событиями – но это уже выходит за рамки данной статьи.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что образы внешнего мира, созданные карикатуристами в 1920–30-е годы, во многом определили внешнеполитические стереотипы, воспринятые значительной частью советского общества того времени.

Более того, в годы войны на оккупированных территориях немцы пытались вести антисоветскую пропаганду, используя советский опыт, в том числе и по формированию визуальных образов мира. Как замечает современный исследователь, „немцы пытались учесть специфику восприятия наглядной агитации советскими людьми, которая заключалась в том, что они были приучены к моментальному восприятию лозунгов и зрительного образа”.

Внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в советском обществе в межвоенный период, не в последнюю очередь под воздействием политической карикатуры, отличались большой устойчивостью и в значительной степени сохраняли свое воздействие до конца 1980-х годов, да и сейчас время от времени проявляют себя в общественном сознании.

Архивные источники

РГАЛИ 1988 = Российский Государственный Архив Литературы и Искусства (РГАЛИ), Москва, ф. 1988, оп. 1, д. 379, л. 38.

Библиография

- Абрамский 1977 = Абрамский, И[саак] П.: *Смех сильных. О художниках журнала „Крокодил”*, Искусство, Москва 1977.
- Варшавский 1930 = Варшавский, Л[ев]: *Наша политическая карикатура*, Москва 1930.
- Голубев 2007 = Голубев, А[лександр] В.: *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия*, Вып. 4., Москва 2007.
- Дени 1923 = Дени, В[иктор] Н.: *Политические рисунки. 1922 год*, Москва–Петроград 1923.
- Дмитриев 1998 = Дмитриев, А[натолий] В.: *Социология политического юмора: Очерки*, Москва 1998.
- Ефимов 1924 = Ефимов, Б[орис] Е.: *Карикатуры*, Москва 1924.
- Ефимов 1931 = Ефимов, Б[орис] Е.: *Карикатура на службе обороны СССР*, Москва–Ленинград 1931.
- Ефимов 1932 = Ефимов, Б[орис] Е.: *Выход будет найден. Политические карикатуры*, Москва–Ленинград 1932.
- Ефимов 1935 = Ефимов, Б[орис] Е.: *Политическая карикатура. 1924–1935*, Москва 1935.
- Ефимов 1938 = Ефимов, Б[орис] Е.: *Поджигатели войны. Карикатуры Бор. Ефимова*, Москва 1938.
- Ефимов 1961 = Ефимов, Б[орис] Е.: *Записки художника-сатирика*, Москва 1961.
- Крокодил 1925 = *Крокодил*, 4 (1925).
- Крокодил 1927 = *Крокодил*, 3 (1927).
- Крокодил 1929 = *Крокодил*, 20 (1929); 28 (1929).
- Крокодил 1937 = *Крокодил*, 1 (1937); 29–30 (1937).
- Lazari, Riabow 2008 = Lazari, Andrzej de, Riabow, Oleg: *Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze*, Warszawa 2008.
- Lazari, Rongińska 2006 = Lazari, Andrzej de, Rongińska, Tatiana (ред.): *Polacy i Rosjanie – przewyciężanie uprzedzeń – Поляки и русские – преодоление предрассудков*, Łódź 2006.

Aleksandr V. Golubev

The Image of Poland in the Soviet caricature of the interwar period (on “Crocodile” materials)

The Soviet political caricature possesses doubtless value as a historical source. But only in the latest years in the Russian historiography appeared some works where it appears as a part of political or social history, and also daily occurrence stories. During the interwar period the caricature first of all formed a basis for formation of visual images of an external world in the Soviet society.

Poland as a subject for a caricature was high on the list among the world countries. The image of Poland in the Soviet satire, a caricature first of all, last years repeatedly became a subject of researches. However there isn't works which would show evolution of this image throughout all interwar period, with 1922 for 1939, and also its components.

In particular, the Soviet caricaturists reflected various aspects of the Polish policy, its key figures, aggressive intentions of Poland concerning the USSR and simultaneously – a difficult life of the Polish workers and peasants were constantly underlined.